К ЭЛИЗЕ

Кто-то с приличествующим церемонии печальным лицом повернул ручку граммофона. Прибор устало кашлянул, и из медной трубы, причудливой формой напоминающей цветы космеи, оплетающей церковную ограду, полились нежнейшие звуки бетховенской миниатюры «К Элизе» в исполнении почившего музыканта. И небо, будто не удержавшись от сентиментального порыва, заслезилось мелким дождем. Все присутствующие раскрыли черные зонты.

Молодой журналист медленно наводил камеру, выхватывал из толпы то одну, то другую физиономию. Сквозь толпу, тяжело дыша, пробирался, работая локтями, полный и раскрасневшийся от спешки трубач. У гроба он порывисто расстегнул пуговицу воротника, явно непривычно сдавившего шею, а потом положил на крышку гроба зажим для галстука.

Журналист был потрясен, что среди присутствующих не было ни одного печального лица. Газете нужен был материал о похоронах известного композитора, а на фото расцветали до неприличия счастливые улыбки, и, если бы не неизменно черный цвет одежды собравшихся да кладбищенский пейзаж, в центре которого возвышался еще не закрытый гроб с покойником, по черно-белым снимкам никто не смог бы догадаться, что это фотография похорон.

Даже старенький граммофон был укрыт от дождя чьей-то заботливой рукой, держащей черный зонтик, и только лицо покойного довольно быстро покрылось мелкой изморосью, а крошечные капельки с едва слышным шелестом ударялись о стенки гроба. Весь мир сузился до размеров зияющей прямоугольной ямы рядом.

Церемония скоро завершилась, и все присутствующие стали расходиться по машинам. Последней уходила тоненькая девушка в черной вуали, скрывавшей половину лица. Едва различимые под рубашкой контуры девичьей груди, изящная шея и тонкий стан привлекли внимание журналиста, и, когда девушка направилась в сторону последнего неотъехавшего автомобиля, он бросился вдогонку.

У дверей дома их встретил администратор, который проводил в банкетный зал и объявил собравшимся, что отныне дом приобретает статус музея. Гости, казалось, не слыша этого объявления, продолжали спокойные беседы с бокалами в руках.

Молодой журналист повсюду следовал за чаровницей, ловя в кадре легкие черты, проступавшие из-под черной вуали. Но девушка перемещалась по комнате, похожая на заводную куклу: кое-где останавливалась и, склонив голову, принимала дежурные соболезнования, а где-то бросала дежурные, и оттого совершенно бессмысленные, фразы.

Наконец публика стала разбредаться по домам. Журналист задержался у холста, его поразил вдохновенный взгляд известного композитора. Когда же входная дверь закрылась за последним гостем, парень решил, что пора.

Он обратился к очаровательной хозяйке дома-музея и сообщил, что брал у ее отца уроки игры на фортепиано. Это не произвело на девушку ожидаемого эффекта, и тогда журналист, откинув крышку белоснежного рояля, начал музицировать. Под его руками нежно зазвенели ноты знаменитого посвящения «К Элизе».

Удаляющаяся фигурка девушки вдруг замерла, вытянувшись так, будто ее тянули вверх за макушку. Потом она медленно повернулась и очень плавно поплыла в сторону рояля, на котором они вдвоем закончили произведение… совершенно обнаженными.

Журналист, насладившись остротой новизны отношений, вскоре признался, что никогда не был знаком с отцом хозяйки музея. И добавил, что всего два раза видел его: первый раз — еще ребенком, в какой-то телевизионной передаче, второй — в гробу на похоронах.

Признание не смутило девушку. Наоборот, прищурив глаза и усмехнувшись, она прошептала: «Ты и сейчас ребенок, совсем не вырос, оставь это».

Но журналист вовсе не собирался останавливаться. Ему хотелось привычной свободы, которая манила и опьяняла его. А нежные, трепетные беседы про умершего родственника быстро ему опостылели.

Он ушел, громко хлопнув дверью и продолжая кричать, что в мире множество гораздо более знаменитых и талантливых музыкантов, чем тот, в доме которого журналиста приютили на несколько недель.

Когда звук его голоса наконец растворился в тихой прохладе вечера, мрак и до звона немая тишина навалились на девушку тяжкой ношей. Чтобы хоть как-то избавиться от этой пустоты, она решила с утра наведаться в дом ребенка, располагавшийся на соседней улице. Так по старым лестницам звонко защелкали каблучки детских туфелек.

Малышка была названа Элизой.

Новоиспеченная мать души в ней не чаяла и отдавала всю душу воспитанию девочки.

Нежные маленькие пальцы Элизы становились все изящнее, срывая по листку календаря, как вдруг заболела мать.

Несмотря на заботливые ухаживания Элизы, в один пасмурный день дама скончалась. Официальные лица провели церемонию похорон, выразили соболезнования, объявили Элизу директором музея и исчезли.

Музей не был особенно популярен.

Пару раз в год взрослые дамы приводили сюда на экскурсию группы детишек из музыкальной школы, но для Элизы среди них даже собеседников не находилось. Они дежурно отбывали свое время на экскурсии и облегченно вздыхали, когда рассказ Элизы о человеке, которого она никогда не видела, считавшемся ее дедом, наконец завершался.

Шумно галдящей стайкой многоголосые толпы высыпались на улицу, а Элиза провожала их долгим взглядом, привычно наблюдая, как толпа редеет по мере приближения к новым улочкам и переулкам и как преображаются прямые и полные достоинства и размеренной пластики фигуры сопровождающих дам, вдруг начинающих сутулиться и торопливо менять маршрут.

Никто никогда не оглядывался на окна, из которых смотрела Элиза. А она каждый раз загадывала, что кто-то обернется, и она приветливо улыбнется и помашет на прощание рукой. Но люди приходили и уходили, и никто, уходя, ни разу не обернулся.

Тогда она возвращалась за старинный письменный стол с резными ножками — память о деде — и продолжала вести долгие беседы с писателями, музыкантами, поэтами и художниками минувших столетий.

Однажды, когда экскурсий запланировано не было, а за окном второй день было пасмурно и время от времени начинался кратковременный ливень, Элиза зажгла огонь в камине и привычно уселась в любимое кресло у стола.

За окном ухнул гром, и девушка в который раз похвалила себя за предусмотрительность и отсутствие планов. Дождь заколотил в окна и почти сразу в прихожей стукнула входная дверь.

Элиза решила, что это сквозняк, и накрыла ноги клетчатым пледом, запах пыли и старины из которого не выводился, как она ни старалась.

Но у двери послышалась какая-то возня, и девушка вышла проверить, не забрел ли в музей бродячий кот или пес, прячась от непогоды.

В коридоре перед огромным зеркалом в тяжелой позолоченной раме красовался долговязый паренек, напяливший на голову дедову панаму и пытающийся изобразить дирижера, размахивая палочкой, взятой со стоящего неподалеку пюпитра.

Вид у паренька был на редкость бестолковый, и Элиза прыснула со смеху. Паренек не смутился, а лишь усилил выразительность жестов и, придав лицу важное выражение, удвоил старание.

Элиза предложила провести экскурсию по дому. Молодой человек согласился. Бродя по комнатам, он рассеянно переводил взгляд с одного экспоната на другой, а в итоге заключил, что музеи — это всего лишь место, где богатые люди со странностями предпочитают переваривать пищу в спокойной обстановке. А в ответ на возмущенный взгляд экскурсовода поведал, что в шестидесятые годы вся прогрессивная молодежь выступала с призывами закрыть все музеи.

«Но тогда где бы ты спрятался от дождя?» — спросила его Элиза. Парень поднял на нее глаза. Впервые в его взгляде появился некий оттенок удивления. Казалось, он только сейчас заметил, как юна и стройна девушка, водящая его по старинным комнатам, как гладко и опрятно собраны в пучок ее русые волосы, какой живой ум светится во взгляде.

Спросив ее имя, молодой человек с размаху плюхнулся на мягкий стул у белого рояля и, тронув клавиши сначала легко, потом увереннее, заиграл пьесу «К Элизе» — то немногое, что осталось в его памяти от обучения в музыкальной школе, которую он так и не окончил.

У него тогда появилось совсем другое занятие: за еду ему разрешили помогать на кухне ресторана. Так началась его карьера, которая за несколько лет усердного труда привела его к должности помощника повара. Только здесь он мог не чувствовать ни голода, ни стыда за то, что съедает кусок, который мог достаться матери или младшим братьям и сестрам.

Девушка раньше слышала исполнение этой мелодии только в граммофонной записи. Мать отчего-то не любила ее. Но сейчас не очень чисто сыгранные ноты звенели с такой нежностью, страстью, что девушка усомнилась в том, что мелодия создается прямо здесь, на ее глазах.

Чтобы удостовериться в этом, она подсела к гостю, и финальным аккордом пьесы стал жаркий и страстный поцелуй.

Отныне молодой человек с утра бежал не домой из ресторанчика за углом, а в старый и плохо посещаемый музей. Он аккуратно запирал двери и угощал Элизу оставшимися после клиентов заведения блюдами. Среди предметов старины протекала их беспечная и счастливая жизнь, не нарушаемая визитами посетителей.

Он помог Элизе установить надгробие на могиле матери, где-то достал изящную решетку для оградки.

Но однажды утром Элиза так и не дождалась его шагов. Она металась по комнате, убеждая себя, что завтра, в крайнем случае послезавтра, дверь привычно распахнется, и на пороге с сияющей улыбкой торжества появится он с привычной фразой: «Угадай, что у нас сегодня на завтрак?»

Но время шло, а он не появлялся. С ужасом Элиза поняла, что не знает фамилии возлюбленного, поэтому даже узнать о его судьбе для нее невозможно. Пометавшись, как тигрица в клетке, она решилась броситься вниз из окна второго этажа, но предательская практичность задержала ее на подоконнике.

Словно кто-то зашептал ей в ухо: «Здесь не так уж высоко. А вдруг ты не разобьешься, а только покалечишь ноги или спину? Кто же станет ухаживать за тобой?»

Замешкавшись и взвешивая все «за» и «против», Элиза вдруг услышала стук входной двери. Словно подхваченная волной цунами, она в два шага вылетела в прихожую.

У дверей стоял высокий незнакомец в тряпье. Он был седой. Нижняя часть лица была скрыта нечесаной бородой, висящей клоками. От мужчины пахло перегаром, но он по-хозяйски повесил изорванный плащ на старинную вешалку и прошел на кухню. Налив себе холодного чая, он наконец поднял глаза на растерявшуюся девушку.

— Где твоя мать? — коротко спросил он Элизу.

— Она умерла несколько лет назад. А вы кто?

Мужчина не смог ответить. Закрыв лицо руками, он беззвучно зарыдал. Элиза тихонько стояла в стороне и не знала, что говорят в таких случаях.

Наконец он взял себя в руки и вышел в гостиную. Подняв крышку рояля, он заиграл знакомую до боли композицию Бетховена. Играя, он медленно рассказывал свою историю.

Когда-то давно он жил в этом самом доме, где прошли лучшие годы его жизни. Здесь он писал статьи про деда Элизы — пожалуй, лучшие, что он написал за всю свою карьеру.

Потом он много путешествовал, но вдохновение осталось здесь, в этом старинном доме. И он вынужден был осесть в небольшой квартирке в Турции, где пытался писать мемуары, пока не понял, насколько пустой и незначительной была его жизнь. И теперь он вернулся сюда, чтобы просить прощения у той единственной, для которой он что-то значил, но опоздал.

Элиза слушала этого странного человека и думала, как рада была бы она оказаться в его квартирке в Турции. Как было бы здорово, если бы он признал ее дочерью, завещал ей имущество и вскоре умер. Судя по виду, ему и так уже недолго осталось.

Она тихонько вышла в свою комнату. В маленьком шкафчике лежал небольшой журнал, который принес откуда-то ее любимый. Они мечтали, что купят какую-нибудь квартирку в Европе. Пролистав яркие страницы предложений о купле-продаже недвижимости, она поняла, что там, в Европе, цены намного выше, чем в Турции.

Тогда она стала думать, на что можно потратить небольшую сумму, вырученную за квартиру незнакомца. Неожиданная догадка озарила ее, когда в прихожей стукнула входная дверь. Деньги можно было бы потратить на надгробие для мужчины.

Вбежав в гостиную, Элиза увидела в окне удаляющуюся по мокрому от дождя асфальту фигуру мужчины, качавшего головой.

— Стойте! Я знаю, что делать с деньгами! — прокричала Элиза в окно второго этажа вслед гостю.

Но зашумевший дождь заглушил ее слова, и уходящий в ночь мужчина остался глух, как Бетховен.

ХАРЛЕЙ-ДЭВИДСОН

Сквозь сон Ивану почудилось, что чьи-то цепкие руки сомкнулись на его горле. Он попытался вдохнуть, но ничего не получилось. Стряхивая остатки ночного кошмара, он резко сел на своей кровати. Сердце колотилось в груди, будто птаха, пойманная в силки. Он жадно ловил губами воздух и таращил глаза, похожий на выброшенную на берег рыбу.

Вдруг вдох получился. Иван всей грудью, всем животом стал тянуть в себя воздух, но его мучительно не хватало. Он рванулся к окну и резким движением рванул фрамугу на себя. Но даже высунув голову в окно, Иван не ощутил облегчения.

Деревья стояли неподвижно, листья не шевелились. Хозяйская собака, положив голову на передние лапы, мирно спала возле стоящего на боку мотоцикла. Воздух казался густым и тяжелым. Он тягуче обволакивал все вокруг, но поймать его ноздрями и вдохнуть всем объемом легких никак не получалось. Показалось, что время остановилось.

Блуждая по комнате в поисках помощи, взгляд зацепился за стрелку часов на стене. Фосфорный носик толстой стрелки едва ощутимо вздрагивал где-то в районе цифры три. С каждым звуком, сопровождающим ход тоненькой, с волосок, секундной стрелки, которую в темноте невозможно было различить, Ивана покидали силы.

Хватаясь за углы мебели, он раненым зверем стал пробираться в сторону кровати, в которой мирно посапывала жена, свернувшись в позе зародыша. Он опустил тяжелую ладонь на ее хрупкое плечо и стал трясти изо всех оставшихся сил. Едва приоткрыв глаза, она произнесла что-то нечленораздельное и, причмокивая, перевернулась на другой бок. Иван стал валиться набок и локтем с размаху бухнулся на нее, простонав: «Умираю…»

Жена рванулась с постели, дернула веревочку, и комната осветилась мягким желтым светом ночника, разбрасывая по стенам и потолку причудливые узоры.

Держась за сердце, Иван тяжело дышал, а в углах посиневших губ показалась пена. Синеватый кончик носа напоминал созревшую сливу. Бессмысленный взгляд остановился в одной точке и напоминал пару выпавших на экране игрового автомата фруктов, совпавших в момент выигрыша.

Жена стала хлестать его по щекам:

— Ну, что же с тобой случилось?

В какой-то момент Иван прохрипел:

— Воздух… Мне нечем дышать! Я умираю!

Эмили плачущим голосом выкрикивала:

— Где болит? Скажи! Что делать? Как тебе помочь? — Но он ее уже не слышал.

Вдруг Иван издал какой-то звук, похожий не то на одышку, не то на кашель, и снова открыл глаза.

— Скорую! — просипел Иван сдавленным голосом, но, посмотрев на ошарашенную и застывшую от ужаса жену, прикрикнул: — Быстро! Врача!

Его вопль разбудил спящего в соседней комнате сына. Фигурка заспанного мальчонки возникла в дверях. Глядя на корчащуюся от боли фигуру отца, он замер на мгновение, а потом поднял глаза на мать:

— Что с папой?

— Позвони в скорую! — крикнула Эмили, на которую вид беспомощного и взъерошенного после сна подростка подействовал отрезвляюще, и она вспомнила, что уже давно выросла и должна сама принимать важные и ответственные решения не только за себя. Она на ходу зацепила ногами мягкие тапочки и помчалась на кухню за водой.

Мальчик исступленно колотил ладонью по кнопке телефонного аппарата, но долгожданных гудков не было. Телефон уже несколько месяцев был отключен из-за долгов. Ребенок выскочил из дома, перебежал на другую сторону улицы и схватил трубку телефонного автомата в будке.

— Алло, нам срочно нужна скорая помощь! Отец умирает! Семнадцатый округ, седьмой дом. Быстрее, пожалуйста! — выкрикивал он в ответ на вопросы с другой стороны телефонного провода.

От вчерашнего Ивана ничего не осталось. Сегодня он был бледен и метался, как больной клаустрофобией, застрявший в кабинке лифта.

Сын побежал в круглосуточную аптеку на углу улицы, сжимая в руке листок с назначениями врача.

Иван жадно тянул содержание кислородной подушки. Рядом на стуле жалобно всхлипывала и иногда тоненько скулила Эмили. Пару минут спустя Иван прохрипел:

— Эмили, не плачь! Я никогда не думал, что все так быстро… Я никогда не был тебе хорошим мужем.

Эмили много лет прожила рядом с Иваном. Она видела его трезвым, пьяным, буйным, радостным. Но представить его вот таким, кающимся и виноватым, она не могла и даже никогда не пыталась этого сделать. Такой жалкий вид Ивана и жалкий тон этого разговора настолько не вязались с привычным образом брутального мачо, которому всегда соответствовал этот огромный богатырь, что пятнадцатилетний сын, вернувшийся из аптеки, выронил пакет с лекарствами на пороге комнаты. Парень вдруг осознал, что из этого огромного и мощного тела прямо на глазах уходит жизнь.

Давным-давно, когда совсем юной девчонкой Эмили с замиранием сердца подбирала слова, чтобы сообщить Ивану о своей беременности, он просто расхохотался и заявил, что женится на ней, может быть, только когда состарится, ей пришлось принять эти условия безоговорочно, ведь дома ее никто не ждал.

Пьяный отец, услышав ее разговор с матерью, выгнал из дома, и ей больше не на кого было рассчитывать. Все эти годы она терпеливо ждала, когда же ее супруг осознает, что старость уже дышит на него. Он со смехом принимал и первую седину, и первые приступы радикулита, когда, как молодой, хорохорясь перед молоденькими спортсменками в зале, брал слишком тяжелый вес, и даже свою регулярную мужскую несостоятельность списывал на неумелые ласки малоопытной жены. И она безропотно все принимала и ждала, ждала. И вот он перед ней, так и не состарившись, умирает…

— Что же будет с нами? — спросил Иван затихающим голосом.

Его грудь тяжело заходила в движении, жадно вбирая в себя содержимое кислородной подушки.

Немного погодя, он снова заговорил:

— Хватит! Я не хочу, чтобы после моей смерти моего сына в школе стали называть ублюдком, потому что за него больше некому заступиться! Дайте мне бумагу и ручку!

Мальчик исполнил распоряжение отца, и неровный почерк стал покрывать чистый лист.

— Держи!

Эмили бросила беглый взгляд на протянутый дрожащей рукой супруга листок. Там было заявление о признании законным их незарегистрированный брак.

Шестнадцать лучших лет своей жизни она ждала именно этого момента и верила, что если он каждый раз возвращается к ней с самых дорогих и известных европейских курортов, то ждет она его не напрасно.

Даже когда она нашла в сейфе, не закрытом второпях, его донжуанский список, который пополнялся после каждого отпуска все новыми именами и номерами телефонов, она отогнала от себя тяжелые мысли и убедила себя в том, что верность, видимо, совсем не мужская добродетель.

И никогда она не требовала никаких объяснений, не устраивала постыдных сцен. Просто молча, тихо и преданно ждала, что однажды он перебесится и останется с ней навсегда. Не было никаких сомнений в том, что там, на курортах и в роскошных круизах во время романтических свиданий на палубе в лучах заката, он не вспоминал о семье ни на миг.

И вот предчувствие шага в вечность напомнило ему вечную истину: после игры ферзь и пешка ложатся в одну коробку. На кровати громоздилась лишь беспомощная туша, жизнь которой зависела от глотка воздуха из кислородной подушки. Осознав это, Иван заторопился по-человечески проститься с семьей, сказать им какие-то теплые слова. Он знаком пригласил сына приблизиться. Тот наклонился над кроватью.

— Сынок, там, во втором ящике письменного стола, коробка от сигар. Принеси ее.

В увесистой коробке оказались ключи, три банковские карты, евро, фунты, доллары.

— Запиши их коды: 17-17. У всех код совпадает. Я специально так сделал, чтобы не путаться.

Эмили не поднимала глаз на эти сказочные богатства. Ее внимание привлекла круглая дырочка на старой и залатанной на локтях единственной рубашке сына. На правом кармане была еще одна, прожженная случайно. Именно из-за этого в свое время рубашка и досталась сыну от отца в подарок после очередного отпуска. Сам же Иван был полицейским и круглый год носил форму. А сорил деньгами только во время отпуска, когда гулял на полную катушку, и, чтобы путешествовать налегке, не стремился забирать чемоданы новой одежды, купленной по случаю.

Из тягостных раздумий Эмили вывела странная фраза умирающего:

— На счете в Центральном банке у меня есть немалая сумма, правда, не представляю, как вы ее получите.

И вдруг Эмили прорвало:

— Что ты сказал? Деньги у тебя есть? А кому они нужны в твоем банке, когда нам здесь дыры в семейном бюджете латать не за что! — с каждым словом тон Эмили набирал обороты и громкость. — Да чтоб ты сдох вместе со своими деньгами, счетами и банками! Избавь нас уже от себя наконец!

Последние слова она уже глотала вместе со слезами, рекой текущими из глаз.

Иван сочувственно посмотрел на жену. Сердце его впервые сжалось от жалости. Он поспешно завершил размашистой подписью доверенность на имя сына.

Вдруг глаза его расширились, щеки стали раздуваться и появилась сильная одышка.

Как из загробного мира, в тишине прозвучал глухой и хриплый голос:

— Сынок! Подойди ко мне!

Эмили вздрогнула, а мальчик недоуменно уставился на отца, чей голос еще никогда не был таким мягким, ласковым. Он будто бы принадлежал кому-то другому, словно звучал из спрятанного где-то поблизости репродуктора, который запускался, стоило умирающему отцу пошевелить губами.

Мальчик шагнул к кровати и присел к отцу. Иван погладил сына по голове. Но где были эти заботливые отцовские руки вчера, месяц, год назад и все прошедшие пятнадцать лет его жизни? По лицу мальчика бесшумно потекли крупные слезинки, обгоняя друг друга.

— Ну же, не плачь, сынок! Я ведь не был тебе хорошим отцом! Ну ничего, зато теперь у тебя есть деньги. Будете с мамой хорошо одеваться.

Горькая слеза, упавшая на лицо Ивана, обожгла его тяжелым воспоминанием. Он не раз видел эти слезы, бегущие из самой глубины детской души, когда кричал мальчишке: «Ты не мой ребенок!», ругал или бил его.

По лицу Ивана заструились тонкие ручейки, пробирающиеся по неглубоким морщинам. Сын никогда не видел ничего подобного, и в его голове мелькнула мысль: «Неужели этот жестокий человек с каменным сердцем и чугунными кулаками способен так растрогаться?»

— Я должен признаться тебе, — продолжал отец все тем же хриплым и неестественным голосом. — Я запрещал тебе ходить на бокс, потому что боялся, что когда стану старым и слабым, ты станешь отвечать мне. Но теперь ты сам можешь оплачивать свои занятия, если захочешь. Теперь, когда меня не будет, поверь, найдется много желающих испортить тебе жизнь. Учись отвечать.

Ах, как же все не вовремя! А ведь я так хотел взять тебя с собой в отпуск на море! И остался всего какой-то месяц! Ну ничего, теперь с матерью поедете.

Мальчик крепко обнял отца и громко зарыдал.

Тишину разорвал резкий звук дверного звонка. Эмили, как испуганная птица, сорвалась с места и бросилась открывать. В комнату тяжелым, но уверенным шагом вошел врач с чемоданчиком инструментов. За ним, как паж при короле, семенила медсестра. Привычным движением она проверила пульс, пока врач так же привычно осматривал белки глаз умирающего, разлепляя толстыми пальцами опухшие веки.

Затем он осмотрел горло и отправил медсестру на кухню ставить стерилизатор на плиту. Смешав прозрачные растворы из разных ампул, больному сделали укол и протерли его след ватным тампоном, отдающим камфарой.

...Золотые лучи рассветного солнца настойчиво рвались в просветы между тяжелыми пыльными гардинами, извещая о наступлении утра. Теплый июньский день наполнялся привычной городской духотой. Только под утро успокоившиеся после ночных бдений у постели больного мать и сын крепко уснули в предрассветной тишине.

Чудом спасенный от смерти умелыми руками доктора Иван медленно открыл глаза, зевнул и сел на кровати. Он хмуро посмотрел на спящую семью. Потом встал, осмотрелся вокруг и по привычке сделал утреннюю зарядку. Иван подошел к столу, на котором лежали банковские карты, подписанные им доверенность и записка, в которой он дал согласие на брак. Как ни в чем не бывало он взял все бумаги и порвал на клочки. Банковские карты убрал на прежнее место. А вот ключи спрятал в другом месте. «Ишь, чего они захотели! Обойдетесь! Не про вашу честь!»

Он быстро умылся, почистил зубы, надел полицейскую форму и темные солнечные очки, поспешно вышел и громко захлопнул за собой дверь. С улицы донесся визг собаки, которую Иван ударил ногой со всего размаха. Шум мотора Харлей-Дэвидсона нарушил утреннюю тишину.

АПЕЛЬСИНОВОЕ СОЛНЦЕ

— Я последний раз спрашиваю, почему Людовик XIV заключил своего министра Фуке в тюрьму? — вопрос учительницы был обращен ко мне и звучал угрожающе, а ее физиономия становилась все больше похожей на бифштекс.

Кто-то из девочек хотел было подсказать, но учительница мгновенно пресекла попытку, ударив кулаком по столу. Немного подумав, я ответил, что, наверное, он,

этот самый Фуке, плохо себя вел или, может быть, съел суп Людовика. После этих слов лицо учительницы окончательно превратилось в бифштекс, и, указывая рукой на дверь, она проорала: «Вон из класса!»

В классе раздался хохот. Причина столь бурной реакции была понятна. Учительнице почему-то показалось, будто я издеваюсь над историей. Что ж, мне ничего не оставалось, как выйти в сопровождении ее громких негодующих возгласов, смысл которых заключался в том, что положительную оценку я смогу получить только через ее труп.

А я вообще-то всегда думал, что до тех пор, пока человек жив, положительный знак «плюс» присутствует во всем, что его сопровождает. И даже в смерти есть свой положительный смысл. Согласитесь, кресты на могилах гипотетически тоже можно принять за знаки «плюс».

В тот весенний день я видел свою бабушку в последний раз.

Благодаря всему случившемуся в школе, благодаря истории и, наконец, благодаря учительнице, выгнавшей меня из класса, я оказался дома на час раньше. Это был для меня тоже своего рода плюс. И, кстати, насчет истории. Позже я все-таки узнал, что заточение Фуке в тюрьму произошло из-за банальной зависти Людовика XIV к его богатству и великолепному апельсиновому саду. Избавившись таким своеобразным способом от хозяина сада, король приказал перевезти желанные апельсиновые деревья к себе в Версаль.

День выдался теплый, но ветреный. Я поднялся по лестнице, открыл дверь своим ключом и вошел в дом. Мамы дома не было. Видимо, пошла в аптеку за лекарством. Бабушка лежала на кровати. Услышав мои шаги, она тихонько позвала меня и сказала: «Миленький мой, как хорошо, что ты сегодня так рано вернулся из школы! Подойди ко мне, я расскажу тебе, где я спрятала свои драгоценности». И, хитро подмигнув мне, улыбнулась. Я обожал свою бабушку. Она была необычная, особенная. Умела шутить, даже когда ей было плохо. Согласитесь, не все умеют веселиться в трудном положении.

Я подсел к бабушке на кровать и рассказал обо всем, что произошло за день. Она, как всегда, с ласковым выражением лица слушала меня, но порой мне казалось, что она думает о чем-то своем. И действительно, бабушка вдруг сказала:

— Миленький мой, знаешь, чего я хочу?

— Чего, бабуля? — удивленно спросил я.

— Мне хочется выйти замуж, — ответила она и улыбнулась.

— А кто тебя возьмет в жены, бабуль? Тебе же восемьдесят лет. Не хочу тебя огорчать, но твой поезд давно ушел.

Я принял ее желание за очередную шутку и уже хотел встать, но она, взяв меня за руку, сказала:

— А еще мне очень хочется апельсинов. Миленький, купи мне апельсин.

Я понял, что это было сказано не в шутку и ей действительно захотелось апельсина. Бабушка словно просила меня исполнить ее последнее желание. Ведь не зря говорят, что часто перед смертью человеку очень сильно чего-нибудь хочется.

Я сунул руку в карман и быстро пересчитал мелочь.

— Ладно, бабуль, сейчас я сбегаю и куплю тебе апельсин, — сказал я, надевая кепку. Выйдя на улицу, я сел в трамвай. Все мысли были только об одном: хватит ли у меня денег хотя бы на один апельсин.

На нужной остановке я вышел из трамвая и направился к фруктовой лавке. Продавец был толстый и лысый. Он угрюмо уставился на меня. «Как инквизитор», — почему-то подумал я. Мне даже представилось, как его предки сжигают на костре Джордано Бруно. Вот только его лысая голова выглядела беззащитной и напоминала большой подсолнух. А эти огромные цветы всегда казались мне

какими-то особенными, трогательно-несуразными, немного не от сего мира. Может быть потому, что их любил рисовать Ван Гог, которого давно уже с этим миром ничего не связывает. Правда, этот «подсолнух» был явно другим, отнюдь не вангоговским. Выждав минуту, он спросил так же угрюмо, как и смотрел:

— Ну, что тебе надо?

Я, указывая на витрину, сказал, что хочу купить апельсин. Затем вытащил из кармана монеты и высыпал их на железные весы. Торговец ухмыльнулся. Так, что мне показалось, будто посередине улицы разожгли большой костер, а я — последняя жертва инквизиции. Наконец он хриплым голосом проговорил:

— Что это? Неужели ты думаешь, что на эту мелочь можно купить апельсин? Да у тебя тут не хватит даже на его половину! А знаешь ли ты, сколько в апельсине витаминов? Ты представляешь себе, что это значит — съесть солнце? Ты можешь себе вообразить, что происходит с каждой клеткой твоего организма, когда сок апельсина попадает вовнутрь?

Я буркнул, что точно не уверен, но где-то читал, что в одном апельсине содержится шестьдесят восемь процентов витамина С. Дневная норма для взрослого человека — 60 мг. В одном апельсине содержится примерно столько же.

— Там есть еще и сахар. А ты знаешь, сколько нынче стоит килограмм сахара? — продолжал меня пытать продавец-инквизитор.

Я сказал, что сахар мне не нужен, а нужен апельсин. И покупаю я его не для себя, а для бабушки, которая сейчас очень больна.

Он призадумался. Было очень похоже, что он собирается продать мне апельсин. Но вдруг в лавку вошли две женщины-толстушки и стали покупать фрукты.

Ах, если бы они заглянули туда чуть позже! Тогда бы мне повезло с апельсином. Но не все в жизни происходит так, как нам хотелось бы. Тетки своим приходом все испортили, и «инквизитор» проворчал: «Выйди отсюда, не мешай мне работать». Еще бы, они заполнили собой весь магазин, и для меня там места уже не было.

Я вышел на улицу. Как назло, поблизости больше не было ни одной фруктовой лавки. Я отчаянно озирался по сторонам. Тем временем толстушки тоже вышли из магазина и сели в трамвай. Я стоял неподалеку, уже ни на что не надеясь, как вдруг услышал голос лавочника:

— Шестьдесят восемь процентов, говоришь?

Я кивнул. Он позвал меня в магазин и там, разрезав ярко-оранжевый шарик пополам, сказал:

— На твои копейки я могу тебе дать только половину апельсина. На, неси ее своей бабушке.

Сказав это, он положил монетки, которые я дал ему, в карман своего белого халата. Этим движением он как будто налил воды в костер, в котором собирался меня сжечь. Я облегченно вздохнул, взял половинку апельсина и вышел. Когда я оглянулся, то увидел, как «инквизитор» с аппетитом дожевывает другую половинку апельсина. Почему-то вспомнились его слова: «Ты представляешь, что это значит — съесть солнце?»

Я поднес апельсин к носу. От его аромата у меня даже голова закружилась. Сразу захотелось вонзиться зубами в сочную оранжевую мякоть, как это только что сделал лавочник. Но я отогнал эти мысли и побежал домой. На трамвай у меня не было денег, да и ждать его я не мог. И времени было слишком мало, ведь дома ждала больная бабушка.

Всю дорогу меня одолевали разные мысли. Я очень любил бабушку и желал ей долгой жизни. Если она сегодня съест эту половину апельсина, думал я, то проживет еще один день. А завтра я принесу ей целый апельсин, и тогда она проживет целых два дня. И так я буду носить ей апельсины каждый день. С другой

стороны, если бабушка умрет, то все апельсины достанутся мне. В общем, в обоих случаях я ничего не теряю, но сегодня во что бы то ни стало этот апельсин должна съесть бабушка.

Наконец я дошел до своего переулка, вошел в дом и поднялся на верхний этаж. В комнате было много людей. Я почему-то сразу догадался, что опоздал. Мама плакала. Высокий мужчина в белом халате погладил меня по голове и вышел. Я стоял как остолбенелый и не знал, что делать. Потом вспомнил про половину апельсина, которую так и держал в руке. Она стала совсем горячей и жгла ладонь. Я сел на стул, с которого только что встал доктор. Я понимал только одно. Что бабушки больше нет на этом свете. Она не дождалась меня. Я взглянул на кровать. Бабушкино лицо было покрыто простыней. Вдруг я почувствовал, что все присутствующие в комнате смотрят на меня, сидящего на стуле, уставившегося на бабушкину кровать и сжимающего в руке апельсин. И тогда я медленно поднес апельсин ко рту и откусил немного сочной мякоти. Ее вкус действительно напомнил мне солнце. И вдруг я зарыдал. Так, рыдая, я съел весь апельсин.

Что происходило дальше, я плохо помню. Кажется, вечер я провел у дяди и даже переночевал там. Я лежал на диване и через стенку слышал, как взрослые обсуждали, где похоронить бабушку. На старом кладбище не было места. А новое располагалось довольно далеко от города. И никто не хотел хоронить бабушку там.

Перед весной туда посеяли арбузы. Кто-то вспомнил, что некоторые народы хоронят покойников прямо во дворе. Засыпая, я подумал, что, наверное, все их дворы, улицы и сады сплошь утыканы крестами.

Утро было мрачным и тягостным. Я встал с кровати, но из комнаты так и не вышел. Бабушку похоронили без меня. Мама не хотела, чтобы я увидел ее мертвой. Я смотрел в окно и думал. О том, что бабушка уже наверняка на небесах. И, возможно, уже разгуливает где-нибудь в раю среди благоухающих апельсиновых деревьев. Ей ярко светит солнце такого же апельсинового цвета. И она смотрит на него. От этих мыслей мне стало немного веселее.

Я посмотрел на небо. Солнца не было и в помине. Но я знал, что оно есть… И на него смотрит сейчас моя бабушка.